Шелухина Наталья Виссарионовна

Маленькие блокадные рассказы

Большая радость

Магазин, в котором мы покупали по карточкам продукты, располагался в цокольном этаже 3-этажного дома, на углу наб. Обводного канала и Международного (теперь Московского) проспекта. Задача «прикрепить карточки» в хороший магазин была не из простых, а этот был один из лучших. Даже в послевоенные годы, пока не сломали дом. Правда, были и «литерные» магазины. Но туда рядовых ленинградцев и на порог не пускали. Да никто и не рвался: нельзя - так нельзя. В нашем магазине всегда был народ, очередь. А значит, был товар. Вероятно, не всегда, но мне это не запомнилось.

Особенно я любила ходить за хлебом с папой, потому что, если случался маленький довесок, я его получала и тут же съедала. Мама себе этого не позволяла. Она, доктор, прекрасно понимала, что ребенок будет жив, пока живы родители. За обедом хлеб резался на пять кусочков: по два папе с мамой и один мне. Однажды, после многодневных раздумий, я не удержалась и сказала: «Мама, ты отрезай мне тоненько-тоненько. Но тоже 2 кусочка». Но тоньше было невозможно… Как-то стоим мы с папой в очереди за хлебом. Вдруг я замечаю, что мужчине перед нами отпустили масло, и этим же ножом отрезают нам хлеб. «Папа, папа, смотри - она нам масляным ножом хлеб режет!» - шепчу я и дергаю его за рукав. Чувство этой безмерной радости я сохранила до сих пор.

Дорогие петербуржцы, дай вам бог, много-много радостей и воспоминаний детства, но других.

Не хлебом единым

Получить разрешение на эвакуацию было очень непросто. Мне было семь лет, а мама – доктор, военнообязанная. К весне 1942-го года родители поняли, что психика моя не выдерживает постоянного напряжения страхом. Когда начинался обстрел, я затыкала уши, орала: «А-а-а-а-а!!!», и изо всей силы топала ногами, чтобы не слышать разрывов.

Наконец, в августе 1942-го года разрешение на выезд удалось получить, и мы начали быстро собираться. Вещи упаковывались в большие тюки, на которых делалась надпись с местом назначения и фамилией. Взяли с собой одежду, обувь, мясорубку простую, простейшие слесарные инструменты, папину скрипку, несколько холстов картин, кое-какой антиквариат и куклу – для меня… Папа ничего, кажется, не забыл и ничего не взял лишнего. А еще он предусмотрительно отоварил по карточкам табак и чай, что впоследствии оказалось валютой.

Настал день отъезда. Дворник взялся довезти наши вещи на своей громадной двухколесной тележке до Московского вокзала. И вот, когда мы уже были в дверях, входит незнакомая женщина и представляется: «Митяева. Председатель комиссии содействия» и требует составить опись оставляемого имущества, так как в комнате будет проживать посторонний человек, который прописан временно, по нашей просьбе.

Папа – вне себя от возмущения. Мы волнуемся, что можем опоздать на поезд, что в любой момент может начаться обстрел. Ведь до Московского вокзала от нашего Обводного, 99, - путь длинный. Представительница общественности –

непреклонна и прочно усаживается в кресло. Папа понял, что быстрее дать опись крупных вещей, нежели вступать в полемику. Два экземпляра составлены, один – ей, другой – нам. Путь свободен.

По возвращении, в 1945 году, мы оценили важность этого документа. Вот такими удивительными людьми были ленинградцы. Кто сейчас сможет понять, почему и зачем в то ужасное время, когда не была гарантирована жизнь даже в следующую минуту, люди думали о других и продолжали выполнять свои общественные обязанности?!

Блокадники! Вы – совсем другие люди! Живите долго! Рассказывайте о своей жизни детям, которые должны знать и помнить об этом во имя мира и человечности.

Детство. Подарки судьбы

Чудесная погода в июне 1941 года. Санаторий Сальцы Псковской области. Мама – врач, а я – шестилетняя девочка – на свободном режиме. Война подошла к нам как-то неожиданно, когда как-то вечером все на ночлег стали располагаться в парке, под высокими соснами. Утром мы увидели, что половины нашего двухэтажного дома – нет. Его разрушила бомба. Впервые в жизнь вошло слово «бомбежка».

Но все еще было спокойно. Абсолютно без паники. Страха еще не было. Не пришел он и тогда, когда низко-низко пролетел немецкий самолет. Из него не стреляли. Очевидно, немцы еще не озверели. Но поезда уже не ходили и мы с мамой пошли на пристань пешком.

По реке Шелони мимо Сальцов курсировал маленький пароход к станции Дно. На берегу в нервном ожидании столпились люди. Наконец, пароходик подошел, но трап не спускали. С борта здоровенный парень в тельняшке голосом, полным безразличия и равнодушия, объявил: «Будет уголь – тогда пойдем дальше».

Но, очевидно, в команде был еще кто-то, понимающий ситуацию. Трап подали, и все, крича и толкаясь, бросились вперед. Какая-то минута-другая - и набитый до отказа пароходик отчаливает. Каким-то счастливым образом мы оказались на палубе. Это был первый подарок судьбы в этот день.

Мы плыли по широкой, спокойной реке на последнем мирном пароходике. Чудесный летний день, дивные лесистые берега и гладь воды создают картину мира и спокойствия.

Путь недолгий. Вот и причал. Только станция «Дно» - на возвышенности, и довольно далеко. Все побежали в горку, прямо по бездорожью. А в сторонке, на проселочной дороге, мама заметила телегу с лошадью, а в ней – мужичок. Мама быстро договаривается и мы, под свист хлыста, мчимся к станции. Несмотря на то, что путь наш был длиннее, мы обгоняем всех.

Вот и вокзал. Бежим к кассе. «Какой билет? Последний поезд отходит!» - кричит нам кассирша. Мы буквально вскакиваем в переполненный вагон, и поезд – трогается. Мы едем. Мы успели! И это – второй подарок судьбы. Его подарил нам крестьянин с лошадью. Едва ли еще кто-нибудь из пассажиров нашего пароходика успел.

Поезд мчится, но вдруг мы слышим гул самолетов. Нас бомбят! Поезд останавливается, все бросаются вон из вагонов в мелколесье за насыпью. Вагон

опустел, а мама почему-то замешкалась. Но вот и мы уже в тамбуре. Рядом с нами два офицера. «Не выходите, сейчас тронется», - говорит один нам. И действительно, так и случилось. Удивительно: это еще было самое начало войны, а офицеры уже приобрели опыт.

Это был третий подарок судьбы. Как оказались с нами рядом эти офицеры? И почему мама, всегда такая проворная и расторопная, вдруг замешкалась? Гудок – и поезд медленно трогается с места. Обезумевшие люди бросаются из кустов, пытаясь догнать еще не набравший скорость поезд. Но удалось это очень немногим. И эта картина запечатлелась в моей памяти на всю жизнь: поезд мчится, уже набрал ход, а люди все бегут, бегут, бегут… И вот нас от них отделяет уже целая жизнь.

В Ленинграде судьба преподнесла нам еще один подарок - на вокзале нас встречал папа. И начались блокадные будни...

Я - ленинградка!

Я помню блокадную первую зиму,

Хоть было тогда мне семь маленьких лет.

К стене прижимались мы при обстреле,

Надеясь, что дом наш не будет задет.

***

Ночью бомбежка, скорее в подвал!

Бежим, спотыкаясь в грохочущей тьме,

За дверью железной немного спокойней…

Звук бомбы летящей так памятен мне!

***

Утром – в садик ребенка,

Спешишь на работу – нельзя опоздать.

И как ленинградцы тогда выживали -

Просто сейчас невозможно понять.

***

Блокадные крошки черного хлеба,

Дуранда, жмыхи и столярный клей.

Но карточки нам регулярно давали,

И не было вещи их ценней.

***

Страшно. Но ненависть выше страха. Мне не хотелось из города уезжать.

Казалось, что даже простым присутствием Можно патриотизм свой доказать.

В детской головке настойчиво зрела и оформлялась такая мечта:

«Поймаю я Гитлера, стану героем, и кончится проклятая война!».

Будем жить

В детстве всегда должно быть место сказке и фантазии. Некоторые сохраняют их всю жизнь и становятся духовно богаче, интереснее для окружающих. Для них же мир уже не такой жестокий, потому что у сказки счастливый конец. Любимой историей, бесконечно дополняемой, в нашей семье была сказка про Буратино. А началось все в блокадное время. Надо же было как-то скрашивать страшные будни…

Однажды вечером, рассказывая очередную историю из жизни нашего Героя, папа вспоминает, что на закрытой с 20-х годов красивой парадной широкой лестнице существует настоящая каморка Папы Карло. Только без холста с нарисованным очагом. Когда-то она была швейцарской. Замок на нее повесили в те же 20-е годы, и с тех пор ею никто не интересовался. Папа судорожно вспоминает, что там был стол, табуретки и верстак. Это же настоящий Клондайк в суровую, холодную блокадную зиму! Он тут же открывает дверь из прихожей на лестницу и с надеждой спускается вниз. Возвращается он воодушевленный: кроме того, о чем он помнил, там еще оказались и несколько досок. Трофейной табуреткой сразу была затоплена буржуйка. Эта чугунная буржуйка уже спасала семью Шелухиных от холода в трудные революционные годы и давно лежала на чердаке. Очевидно, мечтая о своей следующей жизни. И дождалась. Теперь она была и печкой, и плитой. Только вот с дровами было непросто. В подвалах дома были маленькие индивидуальные сари, которые люди предусмотрительные наполняли заранее купленными дровами. В мирное время это было системой, так как парового отопления в обычных жилых домах тогда еще не существовало. Но запасы таяли, и в ход шло все, что горит, вплоть до книг.

И вот в критический момент сказка подсказывает о настоящем Поле Чудес, в котором спряталась бывшая швейцарская. Походы к Папе Карло повторялись по мере экономного расходования ее деревянной обстановки. Последней была разобрана и сожжена массивная дверь. Пришлось изыскивать новые материалы, способные гореть. А там и весна подошла. Буржуйка осталась уже только плитой.

Весна – это авитаминоз. Надо что-то придумывать, чтобы продолжать выживать. На помощь моим родителям приходят знания и смекалка. Они где-то нарвали молодой еловой и сосновой хвои, да пропустили ее через мясорубку. Сок разлили по бутылкам и стали пить, как лекарство. Этим соком мама выручала и многих своих знакомых из числа пациентов. Моя мама, Чернышова Мария Степановна, была очень хорошим, грамотным доктором, и больные ее очень ценили. Некоторые из них остались нашими друзьями и в послевоенные годы.

Особенно в тяжелое время важна взаимная поддержка и выручка. Меня все время приходилось куда-нибудь пристраивать на день. В детском саду я почему-то не прижилась, и даже убегала. Как правило, мне находилось место у тех маминых

знакомых, которые жили в кварталах менее обстреливаемых. Масляный заводик в Масляном переулке был одним из таких мест. Строения там невысокие, в основном, деревянные – они не были достойной мишенью. Одной из маминых пациенток оказалась девушка, живущая в общежитии на территории завода. И вот летом 42-го года меня туда отводили. Это было совсем недалеко, на другой стороне Обводного канала. Общежитие – одноэтажный деревянный домик. Жили там девушки из пригорода, успевшие убежать от немцев в город. Работа на заводе была сменная, и в общежитии всегда кто-нибудь был. Девушки были ко мне очень внимательны, развлекали, как умели. А иногда они приносили горсток семечек, и меня ими угощали. Эта небольшая горстка в центре стола так памятна!

Во время обстрела девушки всегда заводили патефон и даже плясали, чтобы отвлечь меня, заглушая разрывы снарядов. И это у них хорошо получалось! Будем жить, ценя то, что нам даровано судьбой!

Вот так ленинградцы умудрялись помогать друг другу, скрашивать и разнообразить суровые будни. Главное, в любой ситуации оставаться людьми с совестью и честью. И вот сейчас, через много-много лет есть о чем и о ком вспомнить добром.

Судьба или случай?

Провидение или интуиция? Просчитанная вероятность или случайность события? Что первично, что следствие?

Существует легенда, что какой-то математик высчитал вероятность попадания снаряда или бомбы в единственного слона Ленинградского зоопарка. Величина, конечно, оказалась ничтожно мала, а снаряд-то и угодил прямо в слона.

Только судьба могла руководить мыслями маленькой Наташи и спровоцировать выдумку-экспромт.

Четырехлетнюю Наташу утром, до работы, мама отводила к знакомым в маленький деревянный домик, что был в том конце Киевской улицы, который упирался в пути Варшавской железной догори. Кругом был пустырь, и обстрелу это место не подвергалось. Вечером она забирала дочку, и они шли по Международному (теперь Московскому) проспекту, к себе домой на набережную Обводного канала, в дом 99 (теперь 123).

Как-то раз папа, который работал на фабрике на другом конце Киевской улицы, освободился раньше обычного и сам забрал Наташу. Конечно, об этом надо было сообщить маме. Мама работала в поликлинике 21, что располагалась на третьем или четвертом этаже обычного многоэтажного дома на Смоленской улице. Папа остался во дворе, а Наташа отправилась в поликлинику. Она уже не раз бывала там, хорошо ориентировалась и быстро нашла мамин кабинет. Перед кабинетом сидели больные. «Здесь моя мама!» – важно произнесла девочка и вошла в кабинет с очередным больным.

Она сообщила маме, что уже идет с папой домой. У мамы нашлись две шоколадные конфетки, и обрадованная Наташа направилась к выходу. Лестница была широкая и красивая, а в окнах были цветные, с разводами стекла. Она спускалась медленно, разглядывая мозаику окон. Подойдя к ожидавшему ее папе, неожиданно для себя сказала: «Папа, мама тебя зовет».

Наташа ничего не перепутала и осознавала что выдумывает, но все равно повторяла: «Папа, мама тебя зовет». Папа сердился, но настойчивость девочки не

иссякала. Под его ворчание они вместе стали подниматься по лестнице. Конечно, ее выдумка была раскрыта. Прилюдно Наташу папа ругать не стал, и они молча направились к выходу. Только открыли дверь на лестницу – раздался мощный взрыв, и цветные стекла посыпались. Скорей назад, под защиту стен! Ведь не было обычного предупреждения по репродукторам об обстреле или бомбежке!

Через некоторое время выяснилось, что на тротуар упал и разорвался шальной снаряд. Именно там оказались бы Наташа с папой, если бы их не задержало неожиданно выдуманное требование ребенка. Этой неосознанной и необъяснимой настойчивости при четком осознании неправды Наташа с папой обязаны жизнью.

Наташа уже давно - Наталья Виссарионовна, и жизнь ей много раз показывала, что первична судьба, которая руководит случайностью.

Война в городе

Наступила осень, а с ней и темные ночи. Как обычно, взрослые ходили на работу, а дети – у школу. Изменения жизни воспринимались спокойно, как неизбежность. Информация для ленинградцев звучала из репродукторов – черных тарелок. Радиоприемники с началом войны были сданы под расписку на склад в Апраксином дворе. Чтобы подчеркнуть организованность и порядок в городе, замечу, что вернувшись в 1945 году из эвакуации, мы сразу же получили свой радиоприемник обратно в целости и сохранности.

Лексикон ленинградцев стал изобиловать неупотребляемыми ранее словами: обстрел, налет, бомбежка, зенитки, ракетчики…

С наступлением сумерек не должно было появляться ни единого лучика света, и поэтому окна плотно зашторивались. В жилых домах за этим следили работники жилконтор, а на заводах и фабриках – соответствующие службы. Ведь свет мог стать сигналом для бомбардировщиков.

Мой папа работал на фабрике «Стандарт», что на Киевской улице. Типиичное заводское строение из красного кирпича и не сейчас не изменило своего облика. Папа, как и все работники и служащие, по установленному графику дежурил на чердаке высокого здания фабрики. Задачей дежурных было быстро схватить щипцами пробившую крышу зажигательную бомбу и обезвредить ее в ящике с песком ли ведре с водой, приготовленных заранее.

Однажды, придя с ночного дежурства, папа рассказал маме, что обратил внимание на луч света из окна расположенного неподалеку жилого дома. Подумав, что это случайная небрежность, он не придал этому значения. А вот когда во время следующего дежурства он снова увидел яркий луч из того же окна, то обратил внимание на это старшего в группе. Но луч не пропал и в следующий раз. На папино замечание старший небрежно бросил: «Ладно, пошлем кого-нибудь».

Каково же было папино удивление, когда он через несколько дней снова увидел, что злополучное окно было вообще не занавешено, а в комнате горит очень яркая синяя лампа. Правилами это допускалось, но уж слишком яркой была лампа! Пришлось высказать и возмущение, и удивление.

Через пару дней во дворе фабрики на папу падает доска с крыши подсобного строения, расположенного вдоль забора. Кто-то поспешил оказать ему помощь, а кто-то пытался выяснить, откуда и почему упала эта доска. Обнаружить никого и

ничего не удалось. Папу с сотрясение мозга госпитализировали в больницу им. И.Г. Коняшина.

Родители долго обсуждали случайность падения доски и высказывания папы о замеченном им луче света. В итоге они пришли у выводу, что между этими событиями возможна связь.

С фабрики папе удалось сразу же уволиться, т.к. он не был военнообязанным, из-за инвалидности. Так что тайна злополучного окна для нас осталась нераскрытой.

Думаю, что папа своими назойливыми замечаниями вторгся в действия так называемой «пятой колонны», т.е. завербованных пособников фашистов. Моя свекровь, Ушакова Клавдия Александровна, во время войны служила в пожарной охране и ночами с пистолетом в кармане обходила улицы указанного ей квартала. Однажды она издали увидела человека, запустившего ракету. Она бросилась за убегающим ракетчиком, стреляла несколько раз, но не догнала его.

Фронт был не только вокруг Ленинграда, но и внутри него. Плакаты, призывающие к бдительности, оказывались совсем не лишними. В моем послевоенном детстве одной из любимых стала книга «Зеленые цепочки». В ней рассказывалось о подростках, случайно оказавшихся на переднем краю борьбы с «пятой колонной».